

СЕРГЕЙ МОГИЛЕВЦЕВ

ЧЕРНАЯ ВДОВА

КРЫМСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Сергей Могилевцев

**Черная Вдова. Крымские
легенды (сборник)**

«Accent Graphics communications»

Могилевцев С.

Черная Вдова. Крымские легенды (сборник) / С. Могилевцев — «Accent Graphics communications»,

В сборнике представлено пятьдесят крымских легенд, ранее никому не известных, собранных автором за последние годы. Кроме того, в сборник включено небольшое количество легенд русских, московских парижских, и легенд мира.

Содержание

Как пишутся легенды (заметки писателя)	5
Профиль Екатерины (крымская легенда)	9
Врата Ада (крымская легенда)	11
Откуда Черное море получило свое название? (крымская легенда)	12
Вечный Фаллос (крымская легенда)	14
Низвержение в Аид (крымская легенда)	16
Сокровища Аю-Дага (крымская легенда)	18
Долина Дьявола (крымская легенда)	21
Легенда о Золотом Песке (крымская легенда)	23
Легенда об Орлиной Горе (крымская легенда)	25
Русская карта (легенда)	27
Город зверей (крымская легенда)	29
Легенда о долготерпении земли	31
Легенда об Иване-Дураке	32
Призрак ВДНХ. Московская легенда	34
Фуна: гора-дракон (крымская легенда)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Могилевцев

Черная вдова. Крымские легенды

Как пишутся легенды (заметки писателя)

Собственно говоря, легенды не пишутся, а записываются. Практически в готовом виде. Они существуют от века в виде неких текстов, в виде самостоятельных сгустков энергии, которые терпеливо ждут своего часа – встречи с человеком, для которого они предназначены. Это похоже на то, как ищутся клады: они тоже приходят не ко всем подряд, а только лишь к людям, достойным их. В этом смысле отыскание легенд схоже с отысканием кладов – необходим человек, внутренне подготовленный к встрече с легендой, который не пройдет мимо нее, который заранее знает, что она существует.

Человек, знающий, что ее нужно лишь отыскать, пройдя через поиски, надежды, и сомнения, и в конце пути разыскать наконец-то этот заветный сундук с сокровищами, от блеска которых слепнут глаза и радостно колотится сердце. Как человек, записавший за короткий срок – семь лет – пятьдесят крымских и иных легенд, я попытаюсь рассказать, как это делается.

Во-первых, надо неожиданно для себя прибыть в некую волшебную страну, где все дышит тайной, сказкой и легендой, где из-за каждого камня выглядывают сказочные существа, одни фантастичнее другого; где все просто-таки пропитано отзвуками героических битв и сражений; где высятся остовы загадочных крепостей, стоят постоянные дворы возрастом в 500–700 лет, тянутся такие же древние булыжные мостовые и таят прохладу замшелые колодцы, выкопанные тысячи лет назад. Надо попасть в уединенную сказочную страну высоких гор и бездонных ущелий, синего моря и мрачных пещер, в страну сказки, тайны, легенды и притчи, и в этой стране ты должен быть единоличным хозяином. То есть – у тебя здесь не должно быть конкурентов, все гаремы, все сокровищницы, все наложницы и все тайные клады этой страны должны принадлежать только тебе, и больше никому. Ты должен стать хозяином тайны, спящей в этой стране. Хозяином и хранителем. Не знаю, за какие заслуги (спросите у высших сил), но я неожиданно стал хозяином и хранителем такой спящей до поры страны. Страна эта называлась Южным берегом Крыма, и в ней был мой особый, личный, заповедный удел, переполненный сказками и легендами (и притчами тоже) – Алуштинская долина.

Алушта был городом моего детства, я здесь когда-то кончил школу, потом уехал, долго скитался по разным странам, и наконец вернулся домой. Но дом оказался чужим, населенным пришлыми, чуждыми этим местам людьми, не любящими и не понимающими этих сказочных мест. Коренные жители (и не только татары) были выселены, а до них здесь было столько набегов, войн и переселения народов, в том числе и исчезновение народов, царств, княжеств, капитанств (красивое слово!), что у изнывающей от переизбытка сказок и легенд земли просто-напросто не было возможности эти сказки и легенды кому-то отдать. Земля молила: «Приди, человек, способный записать рожденные мной легенды!» А человек не приходил. Его или убивали, или изгоняли отсюда, или он просто не успевал родиться, или не подходил по складу характера для роли собирателя и хранителя легенд. И так продолжалось тысячелетия. Нет, то есть, возможно, и даже конечно, во времена тавров были и сказки, и легенды, но не было письменности (важное условие выживания легенды!), и они не сохранились. У греков были свои греческие герои и мифы, были свои легенды. У римлян тоже свои, у византийцев свои. Появилось много легенд во времена Крымского ханства, но реально их было в десятки раз больше, и они продолжали постоянно рождаться этой землей, однако их никто не записывал.

Во времена принадлежности Крыма к России появились собиратели легенд и первые сборники легенд, но это было всего лишь собирание верхнего, поверхностного слоя народных

сказаний (народное сказание, собранное, обработанное и записанное литератором – вот одно из определений слова «легенда»). Что же касается советского периода в жизни Крыма – то какие легенды могли здесь появиться? Легенды о ста тысячах расстрелянных большевиками белых офицеров, чьи кости вечно будут взывать к возмездию? И я уверен, что крымская земля родила уже и такие легенды!

То есть, легенд в этом легендарном краю были тысячи, и я начал лихорадочно записывать их одна за одной, столкнувшись с интересным и загадочным фактом: легенда литературная, вроде бы выдуманная из головы, и записанная на бумаге, будучи опубликованной (одно из условий рождения легенды – ее публикация), сразу же становилась полновесной, «народной», и жила уже самостоятельно, независимо от меня, ее создателя.

Еще одно любопытное заблуждение – будто легенды рождаются народом, что это продукт творчества народа, живущего на данной земле. Это не так, это в корне неверно, легенда рождается землей, самим ее духом, и подчас косный и невежественный народ, живущий в данной местности (например – нынешнее, к тому же еще и реакционное население Южного берега Крыма), – народ к легендам отношения не имеет. Легенды рождаются в глубине родников, в тайне пещер и ущелий, в подземной лаве вулканов, а лучшие представители народа, владеющие словом и письмом, всего лишь их записывают. Легенды и сказки – это золотые самородки, издревле и извечно лежащие у поверхности в данной местности, и нужен всего лишь культурный и грамотный человек, который бы нагнулся и взял их в руки. Так рождались сказки братьев Гримм и Пушкина, так рождаются вообще все сказки и легенды, так рождались мои сказки и мои легенды.

Первой легендой, которую я записал, были «сокровища Аю-Дага». Я проезжал мимо него на троллейбусе, и внезапно подумал, что неплохо бы придумать легенду об этой горе, с которой меня так много связывало. И в тот же момент практически готовая легенда возникла у меня в голове, и я спустя несколько дней, очень этому противясь (я в это время в огромном количестве писал для одной из московских газет свои сказки), – через некоторое время я ее записал. Внезапное возникновение в голове практически готовой легенды – это и есть «подбирание» с земли золотых самородков – легенд, которые кроме тебя никому не видны и не нужны.

И пошло, и поехало! Я стал записывать крымские легенды в таком количестве, что это стало мешать моей работе сказочника. Сказки, кстати, сочинялись тоже по такому принципу – записывались практически готовыми. Родной мой Южный берег Крыма оказался настолько переполнен легендами, их здесь не создавали (или они не рождались) в течении нескольких столетий, и земля просто молила: «Возьми, возьми эти золотые сокровища, и занеси их на бумагу!» И я заносил на бумагу совершенно новые, никому неизвестные до сих пор крымские легенды. Так, я написал легенду «Фуна – Гора-Дракон», разгадав, по-существу, тайну горы Демерджи (Фуна – старинное, еще византийское, название этой горы). С новейшим, народным названием Демерджи – Катюша, – связана легенда «Профиль Екатерины». Я записал легенды «Откуда Черное море получило свое название» и «Врата Ада», ибо мне были посланы апокалиптические, происходившие в небесах видения нисхождения с небес в Черное море огромных столбов таинственного серебряного света. Интересная деталь: эти видения имели вполне материальный, физический характер, и были видны только мной, а стоящие рядом со мной видели только краешек их, так что находящийся рядом фотограф, чувствуя, что поймал кадр века, долго искал нужную точку съемки, и наконец, став строго впереди меня, сделал-таки этот свой кадр. Не знаю, понял он что-нибудь, или нет, но на меня он смотрел с ужасом и широко открытыми глазами, интуитивно чувствуя связанную со мной тайну.

Вместе с крымскими легендами я, ставший к этому времени благодаря своим путешествиям и своей скитальческой жизни человеком мира, стал записывать легенды других стран и народов: «Легенду о Святой Руси», «Призрак ВДНХ», «Русская карта», «Чрево Парижа», «Легенду о долготерпении земли», и пр. Но основные легенды, разумеется, были крымские:

«Откуда взялась ночь», «Как Луна появилась на небе», «Откуда на небе появились звезды», «Возвращение Ифигении», «Вечный Фаллос», «Семеро смелых», Камни Судьбы», «Легенда о Лысой горе», «Легенда о Золотой Фореле», «Легенда о Последнем Партизане», «Владыка Чатыр-Дага», и другие. И, как всегда, происходило необъяснимое таинство: абсолютно никому неизвестная легенда, только-только записанная на бумаге (не успели еще просохнуть чернила) становилась известной всем, ее рассказывали торговцы на рынке, ее передавали из уст в уста крымские таксисты, о ней сообщали в школе учителя своим ученикам. Это было прикосновение к неким запретным и страшным тайнам, это было посвящение в некую тайную и страшную мистирию, и в центре этой мистирии, как некий жрец, как авгур, находился я. Вынести все это было очень трудно.

Однако самый глубокий, я бы даже сказал глубинный пласт легенд, и он же самый многочисленный, был связан с родной мне Алуштинской долиной. Я лихорадочно записывал легенды «Долина дьявола», «Город Зверей», «Город старух», «Низвержение в Аид», «Семь засыпанных колодцев», «Семь разрушенных кладбищ», «Синагога Эммануэль», «Судьба Алустана», Проклятие Алустана», «Стопы Аллаха»... Я записывал эти легенды родного для меня города, поражаясь, насколько они бескомпромиссны и злы, даже жестоки по отношению к Алуште. Практически все легенды об Алуште новейшего времени носят апокалиптический характер и в один голос предрекают этому городу скорую гибель от разного рода казней: огня и серы с небес, засухи, наводнений, землетрясения, потопа, полчища мух, ядовитых гадов, вроде змей и скорпионов, и прочих египетских казней и иных ужасов. Самое страшное, что никто на это не обращает внимания, город-курорт у моря, почти во всем подобный исчезнувшему Помпеям, беспечно и безумно сгорает в разврате, убийствах, изгнании лучших людей города, лжи, насилия, подлогах, демагогии, продажности и алчности, не понимая, что Везувий уже курится невдалеке (кстати, «Фуна» так и переводится: дымящаяся, курящаяся) и вершина его зловеще тлеет красноватым огнем близкого извержения. В том, что оно, это пока что виртуальное извержение, вскоре произойдет, для меня, главного собирателя крымских легенд, нет никаких сомнений. Будет ли оно реальным извержением вулкана, станут ли таковыми не до конца родившиеся вулканы Аю-Даг и Кастель – я не знаю. Появившиеся в последние годы в городе безумные проповедники, которые загадочно куда-то исчезают (возможно, их убивают, ибо нет иного способа заткнуть проповеднику рот), – новейшие проповедники предрекают Алуште гибель от огня и серы с небес. И это символично для города, ставшего новейшим Содомом на берегу Черного моря. Во всяком случае, на Ялту (а Ялта и другие южнобережные города подозрительно похожи на Алушту) дождь из огня с небес уже падал, поразив довольно большую площадь на ее окраине, земля здесь горела много часов подряд, по этому поводу строили много версий, и все списали на некий прорыв газа.

Пролетавший осенью 2002 года между Алуштой и Ялтой Витимский болид чудом не упал здесь, взорвавшись над Шуйско-Витимском районом Красноярского края, и местные племена, жившие внизу, сразу же в спешке покинули свои жилища и пастбища, чтобы никогда больше туда не возвращаться. Апокалиптика легенд, связанных с Алуштой, очевидна, легенды не могут лгать, и этот современный двойник античных Помпей, несомненно, скоро за свой разврат, похоть и ложь (а они огромны, чего только стоит разрушение старой еврейской синагоги в 2009-ом году!) скоро погибнет вместе со всем, что его населяет. Кстати, пикантная деталь: в легенде «Синагога Эммануэль» говорится, что, помимо прочих казней, которым подвергнется город, отцы его будут наказаны тем, что на стенах домов будут сами собой появляться надписи, называющие этих отцов ворами и злодеями. Так оно и происходит сейчас, и по городу ночью ездят специальные машины с рабочими, выискивающими и замазывающими такие надписи! В новейших легендах Крыма апокалиптика переплетена с огромной любовью к этой древней земле, с седыми традициями, с тайнами гор, пещер и морей, с философскими раздумьями («Душа Крыма», «Почему горный миндаль всегда горчит»), с надеждой на луч-

шее завтра, которое, после серии катастроф, страданий, горя и неизбежного чудесного обновления обязательно придет на эту землю. Ибо земля эта вечна, как вечен седой Чатыр-Даг с его «Химерами Чатыр-Дага» и вечно курящаяся, покрытая облаками Фуна, предстающая перед нами то в легенде «Фуна – Гора-Дракон», то в «Профиле Екатерины». Как вечен рыбак Али, поймавший свою Золотую Форель в «Легенде о Золотой Фореле», и живущий в крымских пещерах Последний Партизан, бдительный защитник всех попавших в беду, герой «Легенды о Последнем Партизане».

2010

Профиль Екатерины (крымская легенда)

Всякий путешествующий по трассе Симферополь – Ялта наверняка обращал внимание на странный профиль, похожий на голову женщины, словно бы выбитый на одной из красивейших гор Крыма – Демерджи. Как только ваш троллейбус или машина начинают спускаться с Ангарского перевала и делают широкий поворот, открывающий вид на просторную Алуштинскую долину и на красивую рогатую гору Демерджи, находящуюся как раз на севере этой долины, как внимание всех путешественников, еще не пресыщенных видами и легендами Южного берега Крыма, приковывается к этой красивой горе и к строгому, словно бы специально выбитому в ее скалах профилю. Он напоминает профиль, выбитый на дорогой юбилейной медали, посвященной необыкновенному событию или какому-нибудь выдающемуся лицу. В народе этот профиль женщины (а он именно женский, это очень хорошо видно с разных точек обзора) называют профилем Екатерины, знаменитой императрицы и самодержицы Российской, а саму Демерджи из-за этого часто называют Екатериной, или даже Катюшей. Такое поразительное сходство с реальной, к тому же путешествовавшей некогда по Крыму царицей не случайно, и вот отчего это произошло.

Когда в 1787-ом году Екатерина вторая решила посетить только что присоединенный к России Крым, она сделала это с небывалым размахом. Путешествие ее в новую Таврическую губернию было обставлено как праздник, в нем участвовала многочисленная свита, актеры, музыканты, художники, личная гвардия царицы, придворные и представители вновь покоренных народов. На всем пути великолепный кортеж Екатерины встречали отцы только что построенных городов, в ее честь устраивали иллюминации и балы, художники рисовали ее многочисленные портреты, вдоль пути устанавливались специальные «Екатерининские версты», готовились эскизы вскоре отчеканенных монет и медалей и даже в спешке создавались театрализованные, бутафорские, мнимые поселения, позже названные «Потемкинскими деревнями». Впрочем, всеобщий успех и всеобщий подъем во вновь присоединенных к России землях был так велик и так очевиден, что большой нужды в Потемкинских деревнях вовсе не было, однако это была дань придворной традиции, игнорировать которую ни Потемкин, ни иные придворные не могли. Слишком сильно лесть и раболепство проникли в сознание придворных великой царицы – настолько сильно, что их не удалось искоренить и через триста лет после ее восшествия на престол.

После осмотра Бахчисарая с его великолепный ханским дворцом и Севастополя с построенным в рекордные сроки русским флотом, Екатерина Вторая путешествовала и по другим городам Крыма, посетив Старый Крым, Феодосию, Керчь и вернувшись наконец в Петербург, где придворные живописцы и скульпторы в спешке заканчивали помпезные картины и скульптуры, – а также выбивали медали в честь ее триумфального путешествия. На одной из медалей, особенно дорогой императрице, она изображена в профиль на фоне красивой рогатой горы, которая, как объяснили царице, ныне называется Демерджи, а когда-то давно, еще в пору византийского и греческого присутствия в Крыму, называлась Фуной. Неизвестно доподлинно, видела ли Екатерина Вторая Фуну-Демерджи, но только все отметили тот странный факт, что после ее отъезда из Крыма на самой вершине Демерджи появился профиль гордой царственной женщины, поразительно похожий на профиль Екатерины, выбитый на ее юбилейной медали, никто в точности не знает, отчего это произошло: то ли силы природы признали в русской царице свою новую владычицу, то ли произошел обвал, которые на древней Демерджи происходят постоянно, то ли случилось чудо, и силою искусства, силою воображения художника, нарисовавшего профиль Екатерины, точно такой же профиль появился на вершине гордой крымской горы. Есть много загадочного в судьбах природы, стран и самодержцев земных, такого странного и непонятного, что его невозможно объяснить обычной человеческой логи-

кой. Очевидно, в дело вмешались высшие силы, навсегда изменив облик красивой крымской горы, которая теперь, к своим старым и древним названиям, прибавила новые: Катюша, Екатерина. Ибо выбит на ее гордой гранитной вершине чеканный профиль женщины, удивительно похожий на профиль Екатерины.

Врата Ада (крымская легенда)

Мало кому известно, что Врата Ада, откуда можно попасть в подземное царство мучений и смерти, находятся в Крыму, на берегу Черного моря. Легче всего их увидеть ночью, во время полной луны, или рано утром, когда небесный свет еще призрачный, солнце еще не встало, и пространство над морем залито абсолютно черной краской, сквозь которую из глубины, из абсолютной бездны, пробиваются лучи мертвенного бледного света. Они похожи на свет мертвой звезды, на сияние потустороннего мира, на призыв мертвых, протягивающих к живым свои бледные и прозрачные руки. Сияние, исходящее из абсолютно черной бездны, настолько торжественно и одновременно настолько печально, что заставляет содрогнуться всякого, кто хотя бы раз его увидел, оно похоже на свет, льющийся из внезапно открывшейся двери, заглядывать в которую до поры строжайше запрещено. Эта дверь и есть Врата Ада, смотреть подолгу на которые нельзя никому, открывающиеся над морем всего несколько раз в году, обычно поздней осенью, или весной.

Черный цвет, окружающий со всех сторон Врата ада, бросает такие же черные отблески на тихую, застывшую от испуга гладь воды, и именно из-за него море называется Черным.

Из глубины Врат Ада исходят длинные серебряные нити, которые как бы обшаривают берег, ища для себя новые жертвы. Если внимательно присмотреться, можно увидеть, как по этим нитям уходят в небытие души грешников. Если же такая нить, или такой луч, коснется зачарованного адским видением человека, он к утру обязательно умирает. Будьте внимательны и осторожны, увидав ночью или рано утром Врата Ада, и не смотрите на них слишком долго, потому что вы прикоснулись к тайне, о которой лучше не знать!

Откуда Черное море получило свое название? (крымская легенда)

Мало кто знает, откуда Черное море получило свое название? И это понятно, потому что большую часть года Черное море бывает ласковым, насыщенным голубой небесной лазурью, и его вполне можно назвать Лазурным морем. Также его можно назвать Зеленым морем, потому что в особо ясные летние дни оно становится прозрачным и чистым, как кристалл драгоценного изумруда, сквозь который на глубине в десятки метров видны небольшие камушки и ракушки, лежащие на желтом песчаном дне. Смело можно называть его Штормящим, или негостеприимным морем, как, собственно, и называли его греки – Понтом Аксейским. Это название, наряду с Понтом Эвксинским, то есть Морем Гостеприимным, надолго закрепилось за ним. Но не эти названия, тем не менее, какими бы правильными и глубокими они ни были, закрепились за Черным морем. Потому что очень редко, всего лишь один раз в десять или более лет, на Черном море происходит явление, которое навсегда поражает и приводит в священный трепет того, кто его видит.

Неожиданно все вокруг темнеет, странная пелена заволакивает небеса, и с неба, прямо из зенита, на море начинают изливаться струи расплавленного серебра. Все краски, которые были в природе до этого, меркнут, и во вселенной присутствуют всего лишь два цвета – белый и черный. Необыкновенная тишина нависает тогда над морем, и воды его делаются абсолютно черными, поглощающими любые лучи света, падающие на них, медленно и неотвратно устремляясь в сторону берега. Кажется, что это колыхается и движется вперед расплавленная черная смола, которая давно уже поглотила и убила все, что было когда-то в ней: корабли, рыбацкие лодки, сидящих на поверхности птиц, и даже самих мертвецов, опустившихся столетия назад на морское дно. С неба тогда льются вниз струи серебряного призрачного света, бьющие через отверзшиеся в небесах глубокие окна, но они полностью поглощаются вязкими и черными волнами, на которых не может уже сверкнуть ни единая искорка и ни единый луч призрачного и поникшего дня. Священный ужас тогда наполняет природу, все вокруг или умирает, или застывает в оцепенении, предчувствуя неотвратимое. Те же, кому удастся выжить после нашествия черных волн смерти, ясно понимают, что этот цвет и есть подлинная, глубинная сущность этого моря. Раз в десять или более лет становящимся морем смерти и несущим к оцепеневшему берегу свои мрачные черные волны.

Мало кто выживает после такого явления, оказавшись вдали от берегов, а многие из тех, кто по счастливой случайности были на берегу и смотрели на почерневшее море с, казалось бы, безопасного расстояния, или сходят с ума, или на долгое время утрачивают душевный покой. Им все кажется, что черные волны вот-вот вернуться опять, и ужас вновь наполнит природу, заливая небо расплавленным серебром, а море превращая в черный злоеущий деготь. Такое явление длится иногда несколько дней, совершенно парализуя жизнь людей и природы, и – кончается так же внезапно, как и началось: расплавленное серебро перестает литься с небес, а воды моря вновь приобретают свой нормальный оттенок. Люди же, пораженные страшным и странным явлением, стремятся сразу забыть о нем, потому что нельзя долго жить с ощущением зла, которое неожиданно навалилось на вас. Однако память о черных волнах, похожих на волны смерти, все же сохраняется в сознании тех, кто хотя бы раз видел их, и они называют море Черным, понимая, что это название самое верное.

Никто не знает, почему море иногда меняет цвет с лазурного и зеленого на черный. Одни говорят, что серебро, льющееся с небес и предвещающее страшное событие, – это гнев Божий, изливаемой с небес на землю. Другие утверждают, что вблизи Крыма находится вход в преисподнюю, древний Аид, отблески и всполохи которого иногда прорываются наружу и становятся

видны тем, кто еще живы, и находится на земле. Черные же волны моря – это воды подземных рек смерти, Леты и Ахерона, которые иногда выходят из-под земли и превращают воды моря в расплавленную смолу, или деготь. Так это или не так, трудно сказать, пока сам не окажешься под землей, в мрачном царстве Аида, и сравнишь цвет его вод с цветом внезапно почерневшего моря. Тем не менее, память о странном явлении живет среди людей, и они называют Черное море именно Черным, и никаким другим, страшась, и одновременно втайне надеясь хотя бы раз в жизни увидеть его темные воды.

Вечный Фаллос (крымская легенда)

"Зачем, Ибрагим, ты спрашиваешь, почему мы пришли и не застали здесь ничего, что некогда радовало глаз правоверного? Зачем ты спрашиваешь про исчезнувшие мечети, в которых молились наши отцы и про сады, вырубленные на корню? Ах, друг мой, ты помнишь эти сады: в них было столько плодовых деревьев, что урожаем, собранным с них, можно было прокормить целый народ! Ты помнишь грушу под названием бэра, размером с голову десятилетнего мальчика и черешню, называемую бычье сердце? Где теперь эти сердца? Где теперь эти сады, огонь какого истлевшего очага поддерживали деревья этих садов? Ты спрашиваешь, Ибрагим, куда все это делось, и я не могу дать тебе ответа на этот вопрос. Ты спрашиваешь еще про исчезнувшие виноградники, гроздь которых наполняли корзины татарских женщин, и сок их стекал по губам той, единственной, которая улыбалась тебе на фоне вечно синей Бабуганской яйлы? Ах, милый мой, яйла осталась на месте, но нет ни виноградников, ни женщин, несущих на спине корзины со щедрыми ягодами. Ты хочешь опять спросить, куда все это делось, а я опять не могу тебе на это ответить. Ты спрашиваешь, куда делись наши старинные кладбища, и почему через них проложена сейчас троллейбусная дорога, а кости наших предков выкопаны из могил и безжалостно выброшены на обочину? Послушай лучше плачь муэдзина в ночи – быть может, его встревоженный голос откроет тебе истины, о которых я не догадываюсь. Ты спрашиваешь, Ибрагим, куда делись наши дома и постоянные дворы, которым было лет по пятьсот, по семьсот, и которые стояли на фоне дымящейся Фуны и похожего на огромный шатер Чатырдага, вобрав в себя жизнь нескольких родов правоверных? Что толку горевать об этом, мой старый товарищ, – на месте наших жилищ стоят теперь чуждые правоверным высотки, да белеют корпуса санаториев, смысл существования которых для меня остается загадкой, ибо не должен человек проводить в праздности такое долгое время, если, конечно, он не убит пулей в затылок, как мы с тобой, Ибрагим, и не стал неприкаянным духом, потому что могилу его разорили неверные. Не спрашивай у меня о разоренном берегу моря, одетом сейчас в серый бетон, об исчезнувших пляжах и каменных водопадах, – все это сделано нынешней цивилизацией, смысл которой мне непонятен. Быть может, Аллах и оправдывает все эти разрушения и потери, – как знать, не записаны ли они золотыми буквами в небесные суры, и не читает ли текст из них небесный мулла, поднимающийся по золотой лестнице на вершину нашего древнего мира? Но, скорее всего, Аллах просто молчит и до поры до времени бесстрастно взирает на все эти мерзости и непотребства, чтобы наполнить чашу своего высокого гнева и излить ее потом на Алуштинскую долину, сметая с лика земли высотки и санатории, насаждая на их место вырубленные виноградники, а морю вновь возвращая пляжи и каменные водопады. А еще, Ибрагим, я лью слезы об исчезнувшей генуэзской крепости в центре Алушты, о кофейнях в ее тенистых садах, в которых мы с тобой выпили бесчисленное число чашек кофе и выкурили не один душистый кальян, беседуя о вещах, не имеющих к сегодняшнему миропорядку даже самого приблизительного отношения. Ибо разве могли мы с тобой хотя бы подумать, что на берегу нашего благословенного городка будут лежать в неге и праздности миллионы почти голых людей, напоминающих не то жирных и раскормленных евнухов, не то наложниц в гареме султана? Все это, Ибрагим, вопросы, на которые знает ответ только Аллах, и послушай лучше легенду о Вечном Фаллосе, которую я тебе сейчас расскажу. Там, Ибрагим, где на земле появляется зло и где отступает добро, там из земли показываются кости, и даже целые члены страшного мертвеца, духа подземных глубин, который попирает собой здравый смысл и цветение жизни. Там, где разорены священные кладбища, где посрамленная природа и красота вопиют к небесам, где уничтожаются мечети и церкви, где история попирается телами миллионов евнухов и блудниц, бессмысленно лежащих среди бетона на искусственных пляжах, – там выходит наружу отвратительный Вечный Фаллос, символизиру-

ющий распад и близкую катастрофу. Это самая страшная часть подземного мертвеца, который показывает из земли то свой отвратительный палец, то целиком мертвую ногу, а то и даже ставшую черепом голову. Ничего хорошего нельзя ждать вслед за появлением из земли Вечного Фаллоса. Ты знаешь, Ибрагим, где он теперь появился? Он появился на Алуштинской набережной – огромный, бессмысленный, блестящий и страшный, построенный здесь в виде фонтана, ибо надо же ему как-то маскироваться, чтобы хотя бы частично походить на окружающие предметы! Но это отвратительное сооружение, Ибрагим, есть не что иное, как Фаллос из древней легенды. Вечный Фаллос, символизирующий смерть и распад, которых страшимся даже мы, неприкаянные и не погребенные духи, кости которых выброшены под откос из разоренных могил. А потому, Ибрагим, не задавай мне лишних вопросов, и лучше внимай молчаливому до времени мирозданию, вдыхая исчезнувшими ноздрями аромат бесчисленных чашек кофе, выпитых когда-то в придорожной кофейне и взирая провалами незрячих глазниц на спускающихся с горы татарских красавиц, несущих на плечах тяжелые корзины спелого винограда."

Низвержение в Аид (крымская легенда)

Три великих империи правили на земле долгое время: Римская, Византийская и Российская. Каждой из них было отпущено небесами ровно тысячу лет побеждать соседние племена и народы и расширять свои пределы до тех пор, пока хватало сил и средств продвигаться вперед, прибирая к рукам все новые и новые куски известной людям земли. Но в итоге все они доходили до последних пределов, исчерпывая свои силы и заканчивая свой грозный и неумолимый бег по просторам земли. Ибо существовало на земле такое место – самый последний предел – дальше которого двигаться было уже нельзя. Эта последняя точка земли, дальше которой не существует уже ничего, находится в Крыму, в Алуштинской долине, окруженной со всех сторон горами и похожей из-за этого на остров, который связывает с остальным миром лишь узкая лента дороги, петляющая среди гор и лесов. Именно на этом островке в кольце гор и встретились три грозных империи, не в силах двигаться дальше, словно бы провалившись в бездонную яму, в некое пространство, отделяющее мир людей, мир завоеваний, триумфов, сражений и жизни от мира иного, в котором все это не имеет никакого значения. Древние греки считали, что здесь находятся врата в Аид, царство мертвых, царство бесчисленных душ, бывших когда-то людьми и обитавших на земле, в мире солнца и света, а теперь проводящих дни в вечных стонах и сожалении об утраченной жизни.

При внимательном исследовании алуштинской долины сразу становится ясно, что место это мистическое, что здесь заканчивается любая история, что время здесь давно остановилось, и лишь безвременье, лишь безнадежность царствуют вокруг, накладывая отпечаток и на тех, кто здесь обитает, и на тех, кто приезжает сюда, в наивности своей считая, что это всего лишь курорт, где можно спокойно и безмятежно отдохнуть, забыв все дела и заботы. Но это не так, ибо в алуштинской долине, где высятся остовы каких-то древних построек, где люди придавлены грузом истории и вечности, где вокруг стоят старые, частично обвалившиеся горы, существует незримый водопад, засасывающий в Аид народы, страны и государства. Те самые народы, страны и государства, которые, подобно трем великим империям, трем Римам, достигнув этих пределов, начинают паническое движение вспять, теряя в итоге все, в том числе и само право на существование.

Низвержение в Аид происходит непрерывно, здесь никто не может оставаться надолго, не испытывая постепенно невыразимого ужаса перед вечностью, незримо падающей в безжалостную воронку Аида. Здесь население постоянно меняется, здесь никакая постройка не стоит слишком долго, здесь люди не смотрят друг другу в глаза, чтобы не выдать случайно страшную и запредельную тайну. Тот, кто живет в этой долине долго, лишь внешне похож на обычного человека, ибо давно уже существует там, на невообразимой глубине, где нет ни времени, ни пространства, ни истории, а есть лишь вечное сожаление о прошлом, о Золотом Веке земли, который уже никогда не вернуть, и о котором можно лишь вспоминать среди подземных шорохов, вздохов и стонов. И даже те миллионы отдыхающих, которые приезжают сюда каждое лето, спустя две или три недели стремительно возвращаются назад, опаленные вовсе не южным солнцем, а незримыми отблесками Аида, глядящего на них из глубины своими кровавыми безжалостными глазами. И потом, в течение всего года, где-нибудь в Москве или в Санкт-Петербурге, люди замирают в сладостном и ужасном предчувствии, безуспешно пытаясь вспомнить, как они стояли на краю ужасной воронки и как потом чудесно спаслись, покинув до следующего года это страшное место. А на следующий год их тянет сюда опять, ибо любого будет тянуть на край страшной бездны, удержаться на котором удалось лишь каким-то чудом. Такова природа человека, существующего в промежутке между адом и раем, и наивно полагающего, что он никогда не нарушит их невидимые до времени пределы.

Некоторым наивным мечтателям, или безумцам, отмеченным знаком Бога, удается воочию увидеть эту воронку, эту страшную бездну, этот спуск в преисподню, ужасную и отвратительную, полную остовами провалившихся в нее стран и народов, где, как трава в мертвом лесу, колышутся миллионы мертвых рук, безуспешно пытающихся дотянуться до края воронки... Мечтателей и безумцев охватывает панический ужас, и они пишут безумные стихи или романы, или вещают о незримых надвигающихся катастрофах. Впрочем, мечтатели и безумцы здесь не задерживаются слишком долго, – их или убивают местные обыватели, или они, полные мрачных предчувствий, бегут отсюда, куда глаза глядят – и отдают свой талант другим народам и другим государствам. А в самой алуштинской долине остается лишь вечное предчувствие близящегося конца, остановить который не в силах никто. И тогда местная чернь, напившись дешевым вином, усаживается вечерами на краю незримой воронки и оглашает воздух безумными и страшными криками.

Бойтесь Аида, бойтесь незримого низвержения вниз, как боялись этого три великих цивилизации, три мировых империи, три Рима, встретившиеся здесь, на затерянном во времени и пространстве острове, и в ужасе повернувшие вспять, ибо поняли, что достигли последних пределов земли! Бойтесь низвергнуться вниз, в пасть Аида, ибо возврата назад из него уже нет! И, проезжая или проплывая по морю мимо этих благословенных мест, на миг остановитесь и испытайте священный ужас, чтобы потом опять, бездумно и безмятежно, продолжить свой путь.

Сокровища Аю-Дага (крымская легенда)

Давным-давно, когда греки отплывали на завоевание Трои, предводитель ахейского войска, грозный царь Агамемнон, в надежде на счастливый поход принес в жертву богам свою дочь Ифигению. Но Артемида, сжалившись над царской дочерью, в самый последний момент заменила ее на алтаре лесной ланью, а саму Ифигению перенесла в Тавриду. Здесь, на берегу моря, стоял сложенный из белого крымского камня храм Артемиды, и Ифигения стала теперь его главной жрицей, принося ежедневно кровавые жертвы во имя богини.

Сурова и неприступна была в те времена земля тавров. Высились со всех сторон над морем, Понтом Эвксинским, высокие скалы, сбегали с гор бурные реки, а в чащобе заповедного леса водились дикие кабаны и медведи, которые разрывали на куски всякого, кто осмелится ступить под сень заповедных деревьев. Тавры были гордым и суровым народом, таким же, как эта неприветливая земля, как синие крымские горы, поросшие сосной, буком и гибким кизилом, покрытые до мая белыми снежными шапками, а летом зеленевшие высокой, в рост человека, травой. Предводитель тавров, жестокий и неразговорчивый царь Зарнак, отдал приказ захватывать силой все корабли, которые во время зимних и осенних штормов прибывало к скалистому берегу, и приносить в жертву Артемиде тех чужеземцев, которых пощадило суровое море. Каменное сердце было у одноглазого, мрачного, похожего на неприступную береговую скалу царя Зарнака! Одета в белый хитон Ифигения была вынуждена каждое утро вонзать острый нож в сердце очередного несчастного пленника, захваченного воинами Зарнака, и распятого на жертвенном алтаре Артемиды. Радовалось сердце богини, во имя которой приносились обильные жертвы, радовалось сердце жестокого правителя тавров, ибо все имущество потерпевших крушение моряков отныне становилось его собственностью, и только сердце самой Ифигении было печально, ибо не по душе была ей такая жестокая служба.

Шло время, все больше и больше чужеземцев захватывали воины Зарнака, все больше и больше богател жестокий царь тавров, сокровищница которого, расположенная в храме Артемиды, переполнилась от бесчисленных слитков золота и серебра, целых сундуков золотых монет и камней, нитей бесценного жемчуга, драгоценной посуды, огромных зазданных кубков с вставленными в них алмазами и рубинами, наполненных перстнями, серьгами, золотыми цепями, бесценными геммами, вырезанными из редких пород камня, дорогим оружием, связками редких кораллов и множеством иных сокровищ, которым уже не было счета. Кичливым и заносчивым стал царь Зарнак, ни с кем не делился он своей кровавой добычей и только требовал от воинов все новых и новых жертв, которые Ифигения, повинувшись воле богини, вынуждена была приносить в белом храме на берегу Понта Эвксинского.

Тягостно юной жрице было жить среди тавров, людей грубых и необузданных, совсем не похожих на просвещенных и мягких эллинов, среди которых провела она свое детство и юность. Часто уходила Ифигения в лес, общаясь с его обитателями на языке зверей, которому во сне обучила ее Артемида, видя, как страдает от одиночества юная жрица. Звери Тавриды не трогали Ифигению, волки терлись о ее ноги своими серыми шубами и лизали ей руки, огромные дикие кабаны приносили в подарок желуди, а медведи показывали дупла деревьев, доверху полные меда. Но особенно привязалась Ифигения к хозяину леса – бурому, косматому, похожему на гору медведю, которого вылечила, избавив от стрелы, вонзившейся ему в бок, и который теперь ходил за ней следом, словно собака, исполняя любые прихоти. Часто на зеленой поляне посреди дремучего леса сидела она, обняв за шею своего нового друга, говоря ему ласковые слова, а медведь в ответ тихо урчал, всем видом показывая, что понимает девушку. Тонкая, прекрасная, с воткнутыми в распущенные волосы белыми подснежниками, ступала она босыми ногами по мягкому зеленому мху, а рядом, возвышаясь чуть ли не до верхушек высоких крымских сосен, сидел огромный медведь, на морде которого было написано, что зверь

искренне сострадает Ифигении. Так продолжалось долгие годы, и порой юной жрице казалось, что она никогда уже не увидит родную Элладу.

Но ничего на земле не длится вечно! Когда не было уже у Ифигении сил жить среди тавров и по приказу одноглазого Зарнака убивать захваченных в плен иностранцев, приплыл из-за моря ее брат Орест, который по повелению Аполлона должен был привезти в Грецию священное изображение Артемиды, похитив его у тавров. Орест приплыл в Тавриду вместе со своим другом Пиладом, и, скрыв свой корабль среди мокрых седых утесов, стал подниматься вверх, к храму. Он и не подозревал, что жрицей в нем была его родная сестра Ифигения! Однако ни одному чужеземцу не удавалось еще незамеченным высадиться на скалистый берег Тавриды! Не удалось это и Оресту с Пиладом. Выследили их пастухи, пасшие свои стада в небольших рощах среди прибрежных утесов, донесли об этом воинам Зарнака, и те схватили греческих юношей. Доставили их связанными в храм Артемиды, и оставили там до утра, чтобы с первыми лучами солнца принести в жертву великой богине.

С грустью смотрела Ифигения на двух молодых греков, дерзнувших высадиться на неприветливый берег, которых ожидала жестокая смерть. Разговорилась она с ними в надежде узнать что-то о любимой Элладе – и, к неопишуемому ужасу своему, узнала в Оресте родного брата. Всколыхнулась душа Ифигении, поняла она, что подошла к той незримой грани, когда ее служба жрицы может закончиться братоубийством. Упала она на колени и вознесла мольбы Артемиде, умоляя ее не дать совершиться столь чудовищному преступлению. Сжалилась Артемида над Ифигенией и Орестом, и надоумила их, что надо делать.

Рано утром, еще до зари, пришла Ифигения к пировавшему всю ночь Зарнаку и сказала ему, что статуя Артемиды и оба чужеземца осквернены, и их надо обмыть в водах Понта Эвксинского. Согласился с этим Зарнак, и отдал приказ своим воинам отвести чужеземцев на берег моря. Вместе с ними отнесли туда и статую Артемиды. Заявила Ифигения воинам, что должна сама исполнить священный обряд, и когда те удалились, освободила обоих греческих юношей. Обнялись горячо брат с сестрой, и, захватив с собой священную статую, погрузили ее на корабль, который был спрятан здесь же, за прибрежной скалой. Заподозрили воины Зарнака неладное, бросились обратно на берег, но куда там, – увидели они лишь корабль, поспешно удаляющийся в сторону моря. Пустились тавры в погоню, но разве могли они, жители прибрежных долин и утесов, на своих утлых суденышках состязаться в скорости с хозяевами морей греками? Ничего не получилось у тавров, лишились они священного изображения Артемиды, лишились Ифигении и двух греческих пленников. Долго бесновались они на берегу моря, долго бросали проклятия в сторону исчезающего на горизонте паруса, но на этом дело и кончилось.

Только лишь огромный медвежий вожак, искренне полбивший Ифигению за ее доброту и ласковые слова, которые она говорила ему на поляне, не смог, как собака, вынести разлуки с хозяином. Вышел он из леса, косматый и страшный, подошел, переваливаясь с боку на бок, к небольшому белому храму, в котором долгие годы служила Ифигения, и лег на него, совсем скрыв под своим исполинским телом. С тоской глядел он в сторону исчезающего на горизонте паруса, опустив морду в море, оглашая окрестные долины и скалы страшным жалобным воем. Столько тоски, столько преданности было в этом прощальном вое медвежьего вожака, что не в силах были переносить его ни люди, ни боги. В ужасе бежали прочь тавры, одновременно напуганные и пораженные невиданной любовью животного к человеку. Пожалела медвежьего вожака Артемида, и превратила его в красивую гору, похожую на большого медведя, опустившего в море морду и передние лапы. Вечно теперь тоскует медвежий вожак, вечно вглядывается за горизонт в надежде увидеть там белый парус, а за ним и быстрый корабль, который вернет ему его Ифигению Сотни веков лежит на берегу окаменевший медведь и непрерывно ждет, поражая всех своей преданностью и любовью. А глубоко в его толще скрыт прекрасный белый храм, полный бесценных сокровищ, которые открываются лишь тому, кто умеет любить и ждать. Потайные ступени ведут от самой вершины горы, которая теперь называется Аю-

Дагом, или Медведь-Горою, глубоко вниз, к храму, и, говорят, уже не один избранный спу-
скался туда, поднимаясь затем наверх с большими дарами.

Впрочем, так это или не так, знают лишь Артемида да старый медведь, который вечно
ждет, что быстроходный корабль под белым парусом вернет, наконец, в Тавриду уплывшую
Ифигению.

Долина Дьявола (крымская легенда)

В незапамятные времена скитался по земле дьявол, творя множество черных дел, и наконец набрел на алуштинскую долину, которая показалась ему необыкновенно удобной для его дьявольских замыслов. Построил он себе мрачный подземный дворец внутри рогатой горы: такой же рогатой, как и он сам, – которая сначала называлась Фуной, то есть дымящейся, или курящейся, а теперь называется Демерджи, то есть кузнец-горой, – построил он внутри рогатой горы свой мрачный дворец, и зажил в нем в свое удовольствие. Надо сказать, что погубитель рода человеческого выбрал алуштинскую долину не случайно, потому что мало где можно найти настоящую рогатую гору, да еще лежащую строго на севере (север находится как раз посередине зубцов Демерджи) плодородной долины, со всех сторон надежно укрытой от внешнего мира горами и теплым морем, на берегу которого расположены каменные хаосы с острыми зубцами скал и уютные бухты с чистым желтым песком, на котором дьявол любил оставлять в час заката свои мерзкие козлиные следы.

Шли годы, проносились века, остались позади тысячелетия, а резиденция дьявола так и оставалась в алуштинской долине, которая из-за этого соседства резко отличалась от всех остальных долин мира. Постоянные духи зла, которые роem, как стаи злых осенних мух, окружают своего повелителя (кстати, так именно и называющегося – Вельзевулом, то есть повелителем мух), – духи зла, похожие на вездесущих мух, казались людям долины вездесущими сквозняками, от которых здесь все постоянно кашляли и сморкались, словно пациенты огромной больницы. И именно поэтому город Алушта иногда еще называется городом сквозняков. Но так говорят те, кто не знает истинной причины этих невидимых воздушных вихрей, которые не только делают людей физически больными, но и, входя внутрь человека, превращают его в необыкновенно злобное и мстительное существо. В Алуште мало добрых людей, здесь все подчинено духу наживы, который царит в недолгие летние месяцы, когда в борьбе за приезжающих сюда отдыхающих местные жители, кажется, готовы перегрызть друг другу глотку и продать дьяволу душу за лишнюю горсть денег, которые зарабатывают они, рабски пресмыкаясь перед приезжими. Но эта жалкая горсть денег, за которую здешние жители прозакладывали, кажется, свою бессмертную душу, оборачивается уже осенью пустым местом, она исчезает, как исчезает зеленая листва на деревьях, и от нее остается лишь разочарование и пустые мечты о будущем лете, когда новые отдыхающие привезут сюда еще больше денег, и местные аборигены наконец-то смогут по-настоящему обогатиться. Но это все уловки дьявола, который обитает внутри рогатой горы, и полностью овладел душами местных жителей: алчных, завистливых, и пустых, не видящих ничего дальше сегодняшнего дня, наполненного мечтами о легкой наживе. Горько расплачиваются за эти иллюзии, внушаемые им погубителем нашей праматери Евы, алуштинцы, уже осенью начинающие для прокорма копать на помойках и собирать пустые бутылки, а потом вообще подающиеся в чужие края и даже в дальние страны, из которых они зачастую уже не возвращаются, с ужасом вспоминая оттуда свое прошлое безысходное существование.

Это все проделки дьявола, в незапамятные еще времена выбравшего алуштинскую долину своей резиденцией. Здесь все призрачно, и рассыпается в прах: мечты, надежды, грандиозные планы. Здесь на горизонте высятся древние, полюбившиеся горы, здесь необыкновенно быстро разрушаются любые постройки: даже те, которые, казалось бы, построены на века, как древняя крепость Алустон, с которой и начался этот город, и от которой теперь остался лишь жалкий остов круглой башни. Здесь все ржавеет от близости вечного моря и рассыпается в прах, здесь нет по-настоящему старинных зданий, здесь царит вечный распад и вечное запустение, здесь заработанные за лето деньги превращаются в ничто, и в такое же ничто превращаются летние иллюзии местных жителей. И даже алуштинский загар, получен-

ный здесь приезжими курортниками, держится не больше недели: так и должно быть в призрачной области, где царит вечный дьявол, и где смешны любые иллюзии, будь то иллюзии о свободе, или о близком чуде.

Дьявол, избравший своей резиденцией алуштинскую долину, как и положено лукавому, дарит поначалу большие надежды и выдает большие авансы. И поэтому, например, те писатели, которые начинают свою карьеру в Алуште, а потом с трудом, но все же уезжают отсюда, становятся мировыми гениями, а те, которые живут здесь безвылазно, и хотя бы на время не покидают эти края безнадежности и распада, кончают банальностью и пустотой, хотя некоторым их современникам и кажется, что это не так.

Блажен тот, кого гонят и хулят в Алуште – он получает возможность уехать отсюда, и спасти таким образом свою бессмертную душу!

И трижды несчастен и безнадежен тот, кто здесь благоденствует: он распадается на атомы в царстве распада и тьмы (которая внешне, для несведующего наблюдателя, кажется раем, залитым солнцем), – он исчезает навечно, и о нем уже не помнит никто!

Так и живет с незапамятных пор дьявол в алуштинской долине, и, кажется, вполне этим доволен и не собирается никогда ее покидать. Вечно дымится от такого соседства древняя Фуна – Демерджи, вечно окутана она тучами адского дыма. Вечно беспокойно небо над Алуштой, вечно наполнено оно адскими духами, окружающими повелителя мух – Вельзевула, который вечно губит души людей и вечно этим доволен. И вечно лежит под солнцем алуштинская долина – Долина Дьявола, – такая манящая и зеленая для тех, кто проплывает по морю мимо нее на пароходе, и такая ужасная и страшная для того, кто поселился в ней навечно.

Легенда о Золотом Песке (крымская легенда)

Имеющий уши, да услышит!

Имеющий глаза, да увидит!

Это не море шумит у берегов Алушты, это ветер поет скорбную песнь о разрушенных берегах и уничтоженных пляжах, некогда прекрасных и независимых, раскинувшихся вольно на многие километры от горизонта до горизонта, и щедро покрытых где желтым, где серым песком, а где мелкой галькой, среди которой яркими изумрудами и бесценными яхонтами сверкали полудрагоценные крымские камни. Где сейчас эти пляжи, где уютные тихие бухты, на которых море выбрасывало бурые, пахнущие йодом водоросли и отточенные волнами деревья, окаймленные по сторонам каменными диковинными хаосами и покрытые белоснежным ковром из тысяч черноморских чаек, исконных жителей этих мест? Где сейчас эти бухты, где сейчас эти баснословные по красоте пляжи, где похожие на сказочных персонажей каменные хаосы: где они, где? Нет их, ибо злоба людская, мерзкая и непотребная злоба пришельцев, любящих перекрывать северные реки и заковывать их в вечный бетон, забетонировала некогда свободные черноморские берега и накрыла их тысячами уродливых бетонных бун, убивших все на корню: как на берегу, так и в воде.

Плачет море, сдавленное тяжелой бетонной удавкой, плачут немногие оставшиеся здесь старожилы, которые еще не сошли с ума, или не бежали куда угодно от этого бетонного беспощадного ужаса, пришедшего с Севера, и превратившего некогда цветущую береговую полосу Южного берега в подобие забетонированных и перекрытых плотинами берегов далеких отсюда Лены и Енисея. Тяжкое горе обрушилось на эти благословенные брега, ибо исчезли с них прекрасные многочисленные пляжи, символ вольности и свободы, и все пространство Южного берега поделено теперь на тысячи маленьких частных владений, огороженных колючей проволокой, вымазанной смолой и дегтем и покрытых искусственной галькой, насыпанной между бунами, которая должна по идее страшных строителей заменить некогда девственный и чистый песок этих мест. Но не хочет море покориться страшной бетонной удавке, наброшенной на его горло, и упорно, год за годом, смывает искусственные и чужеродные природе и человеку пляжи, насыпанные между бунами, обнажая изуродованное дно, утыканное древними сваями и ошетилившееся острыми угловатыми камнями, одинокими отцами семейства, расстрелянного в упор пришедшими сюда безжалостными строителями.

Нельзя инженерным расчетом измерить красоту некогда прекрасных черноморских берегов!

Нельзя бульдозерами распахивать крымские пляжи!

Нельзя уничтожать чистый черноморский песок, и вместо него засыпать берег грязным и чуждым морю и берегу щебнем, добывая его в близлежащих горах, уродуя прекрасные пейзажи Тавриды!

Жестоко накажет Господь и природа, создатели баснословной красоты этих мест, за посягательство на дело их рук!

Имеющий уши, да услышит, имеющий глаза, да увидит!

То не ветер шумит в вершинах высоких крымских сосен, то не море бьет вечным прибоем в серые бетонные буны, то звучат правдивые и неторопливые слова о бесценном сокровище поруганных крымских берегов: миллионах и миллиардах тонн чистейшего золотого песка, который совсем недалеко, всего в каких-нибудь трехстах метрах от берега, лежит на морском дне и ждет своего часа, чтобы вновь лечь золотой россыпью на исчезнувшие крымские пляжи. Его здесь необыкновенно много, его количество невозможно измерить в миллионах или в миллиардах тонн, его здесь гекатомбы и гекатомбы! Чистейшего, золотого, песчинка к песчинке,

протянувшегося на десятки километров вдоль изгибов крымского берега, лежащего на небольшой глубине, и только ждущего своего часа, чтобы, всколыхнувшись золотой неудержимой волной, выброситься неведомой и страшной силой на поруганный берег Южного Крыма!

Имеющий уши, да услышит, имеющий глаза, да увидит!

Это будет необыкновенная волна, которая придет из глубины моря, которая всколыхнет Черное море, как неглубокое блюдо с водой, в которое вдруг подует неосторожный ребенок, и выплеснет гекатомбы черноморской воды на изуродованный крымский берег, смывая в никуда ненавистные буны. Смывая искусственные мертвые пляжи между ними, смывая корпуса санаториев и жилища обслуживающих их людей, этих современных лакеев, всю эту лакейскую цивилизацию Южного берега Крыма, и засыпая его брега золотым, блестящим под солнцем песком. Волна, о которой уже шепчутся в море маленькие рыбки – ставридки, о которой кричат на ветру рассерженные, лишенные рыбы черноморские чайки, и о которой уже поет ветер в вершинах высоких утесов. Очищающая волна свободы и освобождения от бетона, восстанавливающая исчезнувшие пляжи и каменные хаосы, бросающая своей неизмеримой силой с высоких гор в море огромные скалы, которые украсят собой изуродованную береговую линию, и на которых другие, свободные поколения людей построят блестящие золотыми куполами храмы и прекрасные мечети, вонзающиеся в небо белыми минаретами. Волна воды и золотого песка. Волна смерти и жизни. Волна возмездия и справедливости. Ибо нельзя безнаказанно глумиться над Богом и красотой, и любой лакейской цивилизации, какой бы гордой и надменной она ни была, рано или поздно приходит конец.

Вы слышите тихую и прекрасную музыку: то золотые песчинки, поднятые со дна Черного моря, уже бьются в береговые утесы, и их мелодичный звон слышат все, кто имеет способность слышать!

Вы видите, как вспыхивают в лучах полдневного солнца маленькие золотые искры: то струи золотого песка, безмолвно лежащего на глубине, поднимаются от нетерпения вверх, и тут же тонкими нитями падают в море!

Все свое время, и все придет в назначенный час. Но легенду о Золотом Песке черноморских глубин можно услышать и сейчас, если уметь слышать то, что не слышно другим. И ее же, эту легенду, овеществленную и осязаемую, можно увидеть своими глазами, если, отплыв от берега на несколько сот метров, широко открыть их, и нырнуть в прозрачную теплую воду. И тогда легенда о Золотом Песке станет вам ясна и прозрачна, как кристалл небесной лазури, и все последующие события предстанут перед вами, как прекрасная, стоящая у ворот неизбежность.

Имеющий уши, да услышит!

Имеющий глаза, да увидит!

Легенда об Орлиной Горе (крымская легенда)

На юго-западе Алушты, рядом с трассой Симферополь – Ялта, находится холм (всего Алушта, как и Москва, стоит на семи холмах), – на юго-западе Алушты находится холм, издавна называемый Орлиной Горой. Некогда, много столетий назад, здесь стояли могучие дубы, на которых вили свои гнезда орлы. Это было гордое и неподвластное никому птичье племя, и такими же гордыми и независимыми были люди, жившие на Орлиной Горе. Никому не хотели они подчиняться, кроме единого и вечного Бога, и всегда уходили в жизнь так же, как и птенцы орлов: взмывали в воздух мощно и широко, и далеко, до самого горизонта, был виден остальным обитателям алуштинской равнины их спокойный и сильный ход в небесной лазури, похожий на ход огромного корабля в спокойной и глубокой воде. И точно так же, как расходятся в стороны маленькие суденышки, давая путь огромному океанскому лайнеру, и как шарахается в стороны разная птичья мелочь, видя огромный силуэт летящего в небе орла, – точно так же, широко и мощно, не обращая внимания на препятствия и невзгоды, уходили в жизнь люди, живущие на Орлиной Горе. Видимо, соседство с сильными и гордыми птицами не проходило для них бесследно. Много славных подвигов совершили они, много добра сделали на земле Крыма и за пределами его, и эти добрые дела долгие поколения жили в памяти благодарных людей.

Шли годы, бежали века, столетние дубы, покрывающие когда-то почти сплошь Орлиную Гору, лежащую в стороне от маленькой одноэтажной Алушты, были безжалостно вырублены, и вслед за ними исчезли отсюда орлы: улетели в труднодоступные скалы ближайших гор – Демерджи и Чатырдага. Но орлиный дух, дух независимости и высокого свободного полета, который не зависит от воли злобной и мелкой черни, испокон веков населявшей алуштинскую долину, сохранился на Орлиной Горе до нашего времени. В начале двадцатого века здесь поселился молодой писатель Сергеев-Ценский, и тогда же неизвестно кем (впрочем, люди говорили, что одной старой и слепой татаркой, которой были ведомы как прошлое, так и будущее, а также судьбы как самой Алушты, так и живущих в ней людей), – в начале двадцатого века, еще до Первой Мировой войны, здесь родилась легенда, что всего на Орлиной Горе будут последовательно, один за одним, жить три писателя. Все они будут гордыми и независимыми, все уйдут в Большую Литературу гордо и широко, как большие и сильные орлы, и все с презрением будут относиться к вечным бесчинствам черни, во все времена (так уж тут повелось) населявшей алуштинскую долину.

Так оно и вышло. Давно уже нет старой и слепой татарки, предсказавшей Орлиной Горе славное писательское будущее, а сюда действительно один за другим приезжали три писателя, и жили в Орлиной Стране один больше, другие меньше, каждый творя широко и открыто, невзирая на бесчинства местной черни, старавшейся помешать их неукротимому литературному творчеству. Но разве могут презренные ужи помешать полету гордого и независимого орла? Разумеется, не могут! Сергеев-Ценский, проживший здесь с небольшими перерывами более полувека, создал на Орлиной Горе грандиозную эпопею «Преображение России». Живший здесь недолгое время бежавший от революции Иван Шмелев, испытывая крайние притеснения и гонения со стороны местной власти, написал в этом месте несколько повестей, а позже, в эмиграции, окрыленный незримым орлиным воздухом Орлиной Горы, создал выдающиеся романы «Лето Господне» и «Солнце Мертвых». Поселившийся здесь в конце восьмидесятых годов двадцатого века Сергей Могилевцев, испытывая такую же ненависть местной черни и такое же отношение местных властей к гордой и независимой жизни писателя, орла в мире скользких жаб и ужей, создал цикл сказок и пьес, далеко известных за пределами Крыма, цикл крымских легенд, а также три романа: "Вечный Жид", "Лобное Место" и "Жизнь Идиота". Все три писателя действительно были большими птицами, действительно были большими орлами,

живущими на высокой горе, под которой шипели и шевелились обитатели болотной равнины, в разные времена называвшейся то грязной и неумытой, то долиной сквозняков, а то и даже местом сбора зверей. Но разве могут дикие звери, разве могут ужи и жабы помешать высокому полету орла?

Полностью сбылось пророчество старой и слепой татарки, которая незримым взглядом прозревала как прошлое, так и будущее. Три писателя прошли через Орлиную Гору, напившись и вдохновившись ее орлиным духом, и четвертого писателя здесь не будет. Потому что в точности сбываются все древние и страшные пророчества. Потому что все линии человеческих судеб, а также судеб природы и городов, однажды переплетясь, приходят в конце концов к своему итогу. Потому что полностью отдала Орлиная Гора свою чудесную силу трем жившим здесь творцам, и стала обычным холмом, одним из семи, на которых и покоится город Алушта. Потому, наконец, что легенда, родившаяся сто лет назад, благополучно завершается в наше время, как и предсказывала это некогда слепая и мудрая татарская прорицательница.

Русская карта (легенда)

Сели однажды Бог с дьяволом играть в карты, каждая из которых означала какую-нибудь страну. Самые важные страны были, разумеется, тузами, чуть меньше по значимости – королями, еще меньше – дамы, вольты и десятки, а дальше уж шла разная мелочь, на которую солидные страны обращают мало внимания. День играют Бог с дьяволом, второй, третий, и никак выиграть друг у друга не могут. А все потому, что появляется всегда в колоде лишняя карта, путающая всю игру, и возникающая тут и там в самых неподходящих местах: то в рукаве у дьявола, то в картах, которые Бог держит в руках, то вообще лишней картой в колоде, путающей всю игру. И вроде бы не должно быть в природе такой карты, ибо и не туз она, и не дама, и не валет, и даже не разная мелочь, путающаяся под ногами, вроде шестерок или семерок, а получается так, что именно она и влияет на ход игры.

«А вот я возьму, и пойду Германией!» – восклицает хвастливо дьявол, и шлепает об стол карту с изображением германского императора.

«А вот мы твою Германию Францией перебьем!» – спокойно отвечает Господь, и кладет сверху карту с изображением французской короны.

Но тут как раз неожиданно оказывается рядом карта с рисунком одной из башен Кремля, и путает всю игру, потому что ни Германия не может побить Францию, ни Франция Германию, вроде бы как Россия, которой и нет вовсе в колоде перебивает их всех. Но в то-то и дело, что не существует в колоде такой карты, и не должна участвовать она в игре, однако вот участвует, и на поверку оказывается главнее всех!

Или, к примеру, замыслит Бог двинуть вперед китайскую карту, на которой очень искусно изображены китайские мандарины, любующиеся в запретных китайских садах на прекрасных китайских девушек, и даже под настроение читающие им стихи китайских поэтов, – замыслит Бог двинуть вперед Поднебесную, и восклицает сторяча, потрясая Китаем в воздухе, а потом со всего маху шлепая им об карточный стол:

«А что ты против Китая сделаешь, враг всего человечества?»

«А я побью его всей мощью Америки!» – восклицает в азарте дьявол. – Если Вы, конечно, как верховное божество, не возражаете!»

«Да как же я могу тебе, мучитель людей, возражать, – отвечает дьяволу Бог, – если вся власть на земле отдана до времени именно тебе, и я вроде бы как ничего не могу с тобой сделать, и вообще не понимаю, зачем затеял всю эту игру?»

И торжествует дьявол до времени над Господом Богом, и не может козырная Америка всей своей мощью побить Китай, но тут как бы из ничего, неизвестно по чьему наущению, на столе появляется карта России, и вновь спутывает всю игру.

И вновь переигрывать приходится все сначала, причем в итоге так все запутывается, что Господь с досадой бросает карты на стол, и зарекается не играть с дьяволом, а тот, в свою очередь, делает то же самое.

Или вот опять чудеса происходят: засиживаются допоздна за карточным столом дьявол и его всевышний противник, и вдруг Бог, взглянув пристально своим всевидящим оком, выхватывает из рукава дьявола лишнюю карту, которая как раз и оказывается Россией. И все, и пошло, и поехало, и пропала игра! Опять нужно сидеть с утра и до вечера, и все переигрывать, потому что с Россией, которой вроде и нет в игре, вся игра становится совершенно другой! И не Европа она, и не Азия, и не Запад, и не Восток, и не Африка, и не Америка, и вообще не похожа на какую-либо страну, а без нее, оказывается, не идет никакая игра, и она вроде бы главнее всех остальных карт, потому что временами бьет и козырных тузов, и козырных королей, хотя бывает такое, что с обычной заштатной шестеркой справиться не может. Надоела Господу Богу такая странная игра, и повелел он сделать совершенно новую карту под названием «Рос-

сия», которой вроде бы и нет в колоде среди остальных карт, но которая в самые напряженные моменты игр может по Божьему помыслу (а бывает, что из рукава дьявола) неожиданно для всех появиться на свет, и спутать всем всю игру. И не черви она, и не бубны, и не пики, и не кресты, а вроде бы сама по себе, вроде бы какая-то особая масть, не предусмотренная карточными правилами, и сводящая с ума даже опытных игроков. И как Россия пойдет, как она ляжет на стол, неизвестно никому, кроме дьявола и Господа Бога. Может и так лечь, а может и эдак, может и из рукава дьявола появиться, а может и пойти вперед по Божьему наущению, да так явно и зримо, что все просто ахнут, и ничего с ней сделать уже не смогут!

Так и тасуется с тех пор колода разных стран мира: все играют по правилам, а Россия без правил, и как считали ее раньше загадочной страной, заявленной то снегами Сибири, то песками Азии, так и до сих пор считают. И только лишь небесные игроки, играющие в свою бесконечную карточную игру, от которой зависит все на земле, знают, как она пойдет в тот или иной момент, и могут на нее повлиять.

Город зверей (крымская легенда)

Слово «Алушта» переводится в разных источниках по-разному. Одни трактуют его, как «Устье Гор», другие как «Грязная, Неумытая», третьи же переводят это слово, как «Сквозняк». Во всех этих трактовках и переводах есть доля правды, ибо действительно нынешний город Алушта находится в своеобразном устье гор, и действительно столетия назад здесь была болотная низменность, в которой в большом количестве скапливалась сбегавшая с гор вода, отчего все небольшое селение (каким был тогда город) казалось случайному путешественнику грязным и неумытым. Кроме того постоянные сквозняки этих мест, вызванные неустойчивой атмосферой, царящей в алуштинской долине, непрерывно досаждают местным жителям, отчего те, вызывая удивление приезжих курортников, постоянно кашляют и чихают. Все три перевода слова «Алушта», безусловно, в какой-то степени отражают тайный смысл этого города, но подлинный перевод, подлинный смысл слова «Алушта» иной, он более древний, и уходит своими корнями на несколько тысячелетий назад, чуть ли не к самому началу Сотворения Мира. Наиболее правильно слово «Алушта» переводить, как «Место Диких Зверей», ибо именно так переводится с древнееврейского слово «Алуш», которое и дало название современной Алуште. И вот почему так произошло.

Сразу же после Сотворения Мира, когда создал Господь различных тварей земных, они начали плодиться и размножаться, и постепенно заполнили собой всю землю. В те далекие времена звери еще не убивали друг друга, и на земле царили мир и согласие. Здесь новорожденный ягненок мирно спал в объятиях могучего льва, а рогатая ехидна спокойно обвивала ноги пугливой лани. Но постепенно погубитель рода человеческого, а также всего живого на земле, развратил как души людей, так и сердца зверей, многие из которых стали особенно кровожадными и безжалостными, и скитались по поверхности земли, шипя и пуская ядовитую слюну, и без всякой нужды коварно и кровожадно убивая себе подобных. Не мог долго терпеть этого Господь Бог, и согнал таких злобных хищников в алуштинскую долину, определив им здесь место постоянного обитания, откуда не могли они уже выйти. С тех пор каждая злобная тварь земная, отличающаяся особо злобным и отвратительным нравом, должна была отправляться в долину Алушты, и под страхом неминуемой гибели не выходить за ее пределы.

Множество разных ненасытных и кровожадных тварей собралось в алуштинской долине, постоянно враждуя и убивая друг друга. Особо безжалостные скорпионы ползли сюда со всего света, особо ядовитые гадюки и ехидны, особо кровожадные и ненасытные крокодилы. Черные вороны, накликающие на людей несчастья и беды, селились на вершинах алуштинских деревьев-великанов, которых еще недавно было много в береговой части долины, ядовитые комары целыми тучами летали над болотистой низменностью, а из самых болот показывались свирепые головы бегемотов и рогатых ящериц, тут же вступающих в схватку друг с другом. Все самое ядовитое и зловредное скопилось в алуштинской долине, постоянно враждуя между собой, поднимая вверх ядовитые испарения и оглашая окрестности непрерывным ужасным воем, не прекращающимся ни днем, ни ночью. Наконец надоело все это Господу Богу, и он решил положить конец этому разгулу безжалостных хищников. Нахмурился он, взмахнул рукой, и произнес: «Да превратятся все эти свирепые чудовища и твари в каменные изваяния, и да будет с тех пор, что земные звери, хоть и научившиеся по воле дьявола убивать друг друга, будут все же не такими свирепыми, как эти безжалостные чудовища! А они же, превратившиеся в каменные столбы, пусть вечно стоят на краю алуштинской долины в назидание всем остальным, как обладающим душой людям, так и неразумным тварям земным!»

Так оно и произошло. Наиболее безжалостные звери, согнанные Господом в долину Алушты со всех концов света, тут же окаменели, и стоят каменными столбами и истуканами причудливой формы у подножия горы Демерджи. Местные жители называют это место Доли-

ною Привидений, и побаиваются далеко заходить в нее из-за частых обвалов, случающихся здесь, а также из-за страшных и таинственных звуков, которые в особо ненастные и ветренные дни издают окаменевшие звери.

Очень правильно сделал Господь, превратив особо безжалостных зверей в каменные изваяния, и навечно оставив их в долине Алушты. С тех пор земные звери, продолжающие ходить по земной суше, хоть и по-прежнему убивают как людей, так и себе подобных, но делают это не так безжалостно. Многие из них заранее предупреждают о своем нападении, став или в специальную позу, как ядовитая кобра, или треща в специальную трещотку, как некоторые гремучие змеи. Многие же звери земные, или хищники водные, вообще предпочитают не нападать на людей, а от греха подальше обходить их стороной, справедливо опасаясь превратиться в каменные изваяния, и навсегда остаться в долине Алушты. Те же из них, кто переходит разумные рамки, и становится особо опасным, вмиг каменеет, и украшает собой Долину Привидений у подножия горы Демерджи, в которой со временем каменных чудовищ становится все больше и больше. Впрочем, это прибавление не очень заметно, так как некоторых тварей со временем Господь, сжалившись над ними, прощает, и они, поджав под себя хвосты, по привычке еще шипя и пуская на землю отравленную слюну, тихонько уползают прочь.

Между прочим, звериный характер допотопных обитателей этих мест незримым образом передается и местным жителям, населяющим алуштинскую долину. Будучи зависимыми от курортников, приезжающих сюда в недолгие летние месяцы, они ссорятся между собой за лишнего человека, и, кажется, готовы перегрызть горло соседу, лишь бы наполнить свои курятники и клетушки доверчивыми отдыхающими. Впрочем, курортников приезжает сюда все меньше и меньше, так как в дикой страсти к разрушению и насилию, унаследованному от первых обитателей этой долины, алуштинцы разрушили здесь все, что могли, и превратили цветущую долину в мрачные и бесконечные развалины. Любой приезжающий сюда может увидеть вместо уютных пляжей и бухт сплошные забетонированные берега, усыпанные искусственной галькой, и тяжелые мрачные буны, придавившие своей тяжестью на многие десятки километров всю береговую полосу с цветущей природой, некогда богатым подводным миром, существовавшими еще недавно каменными хаосами и античными храмами, от которых теперь ничего не осталось. Алуштинские речки местные жители тоже одели в бетон, а крепость Алустон, с которой когда-то начался город, попросту уничтожили, и построили на ее месте очередной безликий санаторий. Независимых и культурных людей, которые видят все эти ужасы, в Алуште не жалуют, и всеми способами отравляют им жизнь, вынуждая или кончать с собой, или бежать отсюда без оглядки, куда глаза глядят. В саму же Алушту со всех сторон устремляются пришлые люди, не знающие местной истории и не любящие ее, напоминая этим приход сюда в допотопные времена диких и страшных зверей, отвергнутых миром и Богом. И потому ничего не изменилось в Алуште с тех пор, и наиболее правильным переводом названия этого города есть древнееврейское слово «Алуш», что означает «Место Диких Зверей».

Легенда о долготерпении земли

В незапамятные времена, когда появились на земле первые люди, они жили по восемьсот и более лет, ибо такой срок был положен им Богом. Но все же и они умирали, – кто своей смертью, прожив отпущенные им Создателем годы, кто в результате несчастных случаев, болезней, войн, и даже убийств, ибо количество зла на земле возрастало год от года, и она уже не напоминала прекрасный зеленый сад, библейский Эдем, в котором некогда гуляли Адам и Ева. Тогда пришла нужда хоронить в земле своих мертвецов, но земля сначала не хотела их принимать, и людям с землей пришлось заключить специальный завет, чтобы открыла она наконец свое лоно, и приняла в него страшный прах тех, кто уже никогда не сможет открыть глаза.

– Хорошо, – сказала земля на многочисленные просьбы людей, молящих позволить хоронить в ней своих мертвецов, – я разрешу вам делать это, но только до тех пор, пока не останется на мне места, где могли бы вы копать свои могилы, и опускать в них умерших от разного рода бедствий, убийств и болезней. Как только не останется на мне больше места для ваших могил, как только покроюсь я ими от края и до края, от одного конца и до другого, так сразу же и возвращу вам всех тех покойников, которых вы в меня опустили. Устраивают вас эти условия, или нет, и согласны ли вы, бранные люди, заключить со мной этот страшный завет?

– Согласны, – ответили обрадованные люди, – ибо случится это еще не скоро, если случится вообще, ведь нас на земле так мало, а земля так велика, что не скоро еще покроется нашими могилами от края и до края, и не останется на ней места, чтобы хоронить умерших своей смертью и погибших разными другими способами.

И земля заключила с людьми этот страшный завет, терпеливо год за годом и столетие за столетием принимая в себя их мертвецов, и позволяя выкапывать в себе глубокие и скорбные могилы, которые со временем зарастали травой забвения. Шли годы, проходили тысячелетия, род людской размножился на земле чрезвычайно, покрыв ее от одного края и до другого, возводя на ней прекрасные города с храмами, дворцами и разного рода жилищами. И точно так же чрезвычайно распространилось на земле зло, убийства и войны, пришли на землю голод и страшные болезни, которые выкашивали на ней людей миллионами, и заполняли ее скорбными и бесчисленными кладбищами, счет которым давно уже был потерян. Нет, кажется, на земле места, где хотя бы однажды не хоронили кого-нибудь, и очень часто прекрасные и цветущие города стоят на месте забытых кладбищ, а дома людей устраиваются на фундаментах заброшенных склепов. Давно уже забыли люди, увлеченные новыми идеями и новыми проектами, о своем страшном завете с землей, но земля все помнит, и ведет скрупулезный подсчет каждой своей пяди, зная, что пядей этих осталось совсем немного, и когда не будет больше на ней места, где хотя бы один раз не копали могилу, и не хоронили кого-нибудь, она откроет все свои тайны и мрачные кладовые, и возвратит людям кости всех их дорогих мертвецов. Ибо каждый мертвец, хотя бы кому-нибудь, хотя бы раз в жизни, но был дорог. Тогда не смогут больше люди жить на земле, ибо некуда будет ступить из-за обилия черепов и костей, которые вдруг, в одночасье, в одно мгновение, появятся из-под земли, и возопят люди, простирая руки к небу, и умоляя Господа Бога убить их, ибо жить в бесконечном склепе размером с землю станет им невыносимо. И воскресит Господь Бог всех когда-либо умерших, восставших ныне из-под земли, и будет судить вместе с живыми, и воздаст каждому по делам их. И воздаяние это назовется Страшным Судом, который придет, когда закончится долготерпение земли, и завет между ней и человеком утратит свою силу.

Легенда об Иване-Дураке

Не просто так появился Иван-Дурак в русских селеньях, а были на то свои особые причины. Как-то, лет примерно триста, а может быть и побольше, назад, сидел в шинке на самом краю русской земли беглый крестьянин по прозвищу Ивашка Босой. Был он балагур, сплетник и бабник, был много раз бит своим барином, много раз убежал от него, но потом или сам возвращался назад, или его ловили, и приводили насильно к хозяину. Да и хозяин у Ивашки Босого, надо прямо сказать, был вроде него самого: тоже самодур, сплетник и бабник, и тоже надоел соседям своим не меньше, чем ему самому и остальным крепостным беглый крестьянин. Видимо, оттого, что чувствовал барин Ивашки Босого некое сходство со своим непутевым холопом, он и не наказывал его за побеги особо строго. Так, посерчает немного, покричит, постучит ногами, посечет на конюшне в назидание другим, а потом нальет чарку водки, и отпустит беднягу на все четыре стороны. А бывало, что и не одну стопку водки нальет, а даже две, или три, и целый вечер сидит с ним на крыльце барского дома, и поет грустные песни, отчего крестьяне только головою качают, да говорят, крутя пальцами около лба:

– Был у нас один скоморох, а теперь стало два, и какой из них двоих больше на припадочного похож, неизвестно.

Это они оттого так говорили, что не знали еще, какое прозвище будет вскоре у Ивана Босого и его друга-барина, которого, кстати, тоже звали Иваном. Не простым, а Федоровичем, но ведь на то он и барин, чтобы его по-имени, по-отчеству величать.

Итак, значит, сидел в шинке на самом краю русской земли беглый холоп Ивашка Босой, в который уже раз сбежавший от своего Ивана Федоровича. Сидел, и от нечего делать пел песни, потому что на водку денег у него не было, а выпить, как все, очевидно, догадываются, ему хотелось до смерти. И так он расположил к себе сердце сурового шинкаря, который никому за просто так водки не наливал, и оттого имел потайную кубышку, набитую и медью, и серебром, и кое-чем даже получше, а также красавицу-дочку и сварливую мегеру-жену, – так он расположил к себе сердце прижимистого шинкаря, что тот, не утерпев, подошел к нему с огромной бутылью в руках, и налил беглому полный стакан.

– Что, солдатик, нелегко тебе скитаться от одного селения до другого без копейки в кармане да в одежке, которая давно протерлась до дыр? – спросил он у Ивашки Босого.

– Да нет, – ответил Ивашка, – нам, бедовым, везде хорошо, что в родной деревне у барина на крыльце, что в скитаньях по родной Руси-матушке. Такой уж мы бедовый народ, дорогой ты мой человек! – сказал, и выпил полный стакан, налитый жалостливым шинкарем, а потом опять песню запел.

– По родной Руси-матушке? – задумчиво спросил у Ивашки шинкарь, машинально наливая ему еще один полный стакан. – Была и у меня, солдатик, когда-то своя матушка-родина, точнее, не у меня, а у моего народа, рассеянного ныне по всей необъятной земле. Но это особый вопрос, а вот что касается таких молодцов, вроде тебя, которым все трын-трава, и одинаково им хорошо что в захудалом шинке на краю дремучего леса, что на барском крыльце, то об этом особый рассказ. В моей родной стране существовал даже специальный обряд перекладывания грехов на таких вот отчаянных сорванцов, вроде тебя, которые у нас носили прозвище козлов отпущения.

– Как-как, – переспросил опьяневший Ивашка, успевший уже влюбиться в доброго корчмаря, – про каких козлов ты, добрый человек, говоришь?

– Про козлов отпущения, сначала обычных животных, а потом и особо непутевых людей, вроде тебя, от которых никому не было житья, и на которых добрые люди перекладывали свои грехи, чтобы самим стать лучше и чище. Ведь по большому счету и ты, Ивашка, такой же козел отпущения, ведь и у тебя в деревне всем стало намного лучше, когда ты от них убежал?

– Это уж точно! – засмеялся охмелевший Ивашка. – Они теперь стали все вроде святых, а про меня небось такое рассказывают, что неудобно доброму человеку об этом и на ухо сказать! – и он, ловко схватив бутылку шинкаря, налил себе еще один полный стакан.

– Вот видишь! – обрадовался шинкарь, который всегда примечал много схожих обычаев, существовавших у его скитальческого народа и в тех странах, куда его заносила судьба. – Вот видишь, люди везде одинаковые, что в Палестине, о которой ты наверняка ни бельмеса не знаешь, что в твоей родной Рязанской губернии. И обычаи тоже у многих очень похожи. Ты типичный козел отпущения, только не думаю, что на Руси приживется такое название. А посему, поскольку ты Ивашка, и любишь скоморошничать и выделывать разные кренделя, быть тебе отныне Иваном-Дураком. То есть человеком, глядя на которого, всем становится чуточку легче, и жизнь не кажется уже такой унылой и скучной. И не обижайся, пожалуйста, на свое новое прозвище, потому что на самом деле ты намного умнее и лучше других, ведь это же не с ними, а с тобой любил пьянствовать на крыльце строгий барин Иван Федорович!

Вот так и появилось у Ивашки Босого его новое прозвище, а потом уж разошлось по всей русской земле, по всем большим и малым ее селениям. Барину Ивану Федоровичу оно тоже понравилось, и он, когда Ивашка вернулся домой после скитаний по шинкам и окрестным губерниям, даже не высек его за это, а, сидя с ним на барском крыльце, сказал, обнимая за плечи:

– Был ты, друг мой, Ивашкой Босым, пьяницей и непутевым бродягой, а стал отныне Иваном-Дураком, очень полезным в обществе человеком! Принял, можно сказать, эстафету от одного человеческого племени – к другому, и в этом, друг мой, вся философия и весь смысл жизни!

Барин Иван Федорович, между прочим, был философом, и даже учился когда-то в заморском университете. Его самого соседские помещики тоже хотели объявить дураком, но у них это почему-то не вышло. Не подходит к барину это прозвище, и все тут! Кем угодно можно его называть: и самодуром, и сумасбродом, и шалопаем, а дураком почему-то нельзя. Только к простому человеку, вроде Ивашки Босого, это прозвище и применимо. Таковы причуды русского языка. Так появился на Руси первый Иван-Дурак. Ну а после этого он и на крестьянской печи в гости к царю приезжал, и цареву дочку за просто так сосватал себе, и по-шучьему велению разные чудеса совершал, однако это уже совсем другие истории, к нашей легенде никакого отношения не имеющие.

Призрак ВДНХ. Московская легенда

В самом дальнем конце ВВЦ, Всероссийского Выставочного Центра, который еще недавно назывался ВДНХ, и, очевидно, через какое-то время опять сменит название, находится удивительная скульптура. О ней почти никто не знает, она скрыта большими павильонами и зарослями деревьев, но того, кто все же отважится добраться к ней, ждет поистине удивительное открытие. На небольшой круглой площадке, куда уже давно никто не заходил, и где давно не работали дотошные садовники, облагораживающие каждую аллею и каждый кустик выставочного центра, стоит вылитое из бронзы изображение двух молодых людей на фоне большой бронзовой птицы. Это летящий в воздухе журавль, к которому протягивают руки юноша и девушка, навечно, казалось бы, застывшие в своем стремлении поймать улетающее вдаль счастье. Невесомые тела их, вылитые из бронзы неизвестным скульптором в начале восьмидесятых годов двадцатого века, давно уже позеленели от времени и от московских дождей. Но руки, протянутые вверх, к небу, тем не менее кажутся живыми, готовыми схватить в воздухе свою удачу, которую они ждут уже много лет. Мало кто сейчас знает историю этой потрясающей скульптуры, достойной украшать не забытые аллеи ВВЦ, а лучшие выставочные залы страны, и уж тем более все давно забыли имена глядящих с надеждой в небо молодых людей. Только с очень большим трудом, опросив множество старожилов ВДНХ (а для них место это навсегда теперь называется так, ибо новое название не будит в сердцах и душах их никаких эмоций и воспоминаний), – опросив множество старожилов ВДНХ, вы наконец-то узнаете имена двух влюбленных, навечно застывших в едином порыве, а также услышите историю их любви, давно уже ставшую легендой.

Итак, в конце семидесятых годов прошлого века во ВГИКе, московском институте кинематографии, который находится рядом, прямо за оградой ВДНХ, на улице Вильгельма Пика, и куда ведет небольшая калитка, мало кому известная, училась актриса Нина Богданова. Она подавала очень большие надежды, и уже к концу первого курса ей предложили сыграть главную роль в фильме по сценарию молодого писателя Сергея А., жившего, кстати, совсем недалеко от ВДНХ. В сценарии рассказывалось об одной японской студентке, молодой актрисе, приехавшей в Москву учиться во ВГИКе, и неожиданно заболевшей лейкемией. Она была родом из Хиросимы, и болезнь ее, к сожалению, была неизлечимой. Московские врачи, несмотря на все усилия и на все болезненные процедуры, через которые прошла девушка, оказались бессильны, и дни японской студентки были сочтены. По старому японскому поверью, тот, кто делает из бумаги ровно миллион журавликов, может загадывать любое желание, и это желание обязательно исполнится. И умирающая японская актриса стала складывать из листов белой бумаги этих журавликов, заранее зная, что она не успеет закончить работу в срок, ибо времени жить у нее осталось совсем немного. Ей помогал весь персонал больницы, все однокурсники и множество посторонних людей, случайно узнавших об этой трагичной истории, но все было тщетно: через короткое время она умерла. А когда посчитали число готовых журавликов, которым уже не было места в опустевшей палате, то оказалось, что их было почти миллион, и до ровного счета не хватало всего одного. Таков был сценарий, и Нина Богданова должна была в нем играть роль погибающей актрисы.

Во время работы над сценарием, который несколько раз пришлось переписывать, Нина Богданова подолгу общалась с его автором Сергеем А., и нет ничего удивительного в том, что они полюбили друг друга. Они встречались на ВДНХ, в ее потайных аллеях, проходя туда через малозаметную калитку, ведущую прямо от здания ВГИКа, мечтая о будущих съемках и тех сценариях, которые Сергей напишет для Нины. Однако все кончилось совсем не так, и очень трагически: Нина, совершенно неожиданно для всех, повторяя судьбу выдуманной японской студентки, заболела лейкемией, и ее положили в больницу. Это было необъяснимо, в этом

была какая-то мистика, но все случилось именно так! Одни говорили, что она слишком сильно вжилась в образ, другие о том, что Сергей А. написал сценарий, который убивает (в среде кинематографистов ходило немало легенд о таких сценариях), но ничего сделать оказалось невозможным – дни Нины были сочтены.

Странным образом повторяя сценарий, Нина стала собирать из листов белой бумаги белых журавликов, которыми была завалена от пола до потолка вся ее палата. Поддавшись необъяснимой магии древнего японского поверья, ей помогали в этом врачи и медсестры, а также студенты ВГИКа, однако с каждым днем Нине становилось все хуже. Она прошла через болезненные процедуры облучения, а когда встал вопрос о пересадке костного мозга, Сергей А. отдал ей часть своего. К несчастью, операция для него была неудачной, и он, в свою очередь, медленно умирал, помещенный в одну палату с Ниной Богдановой. Они умерли в один день и в один час, до последней минуты складывая из бумаги белых журавликов, и надеясь, как все влюбленные, на невозможное чудо. Когда после их смерти стали освобождать палату, и посчитали этих журавликов, то оказалось, что до миллиона не хватает ровно одного, на которого сил у них больше не было. Этот последний недостающий журавлик был отлит из бронзы неизвестным скульптором вместе с фигурами Сергея и Нины, и помещен в дальней аллее ВДНХ, в том месте, где они когда-то встречались. Со временем эта аллея заросла деревьями, и проход к фигурам Сергея и Нины был забыт. Но в час заката, летом, если очень сильно захотеть, можно увидеть летящего над территорией выставочного центра бумажного журавлика, который, казалось бы, навечно застыл в неподвижном московском небе. Это и есть призрак ВДНХ, о котором рассказывают шепотом и под большим секретом, ибо история его появления здесь трагична и окутана тайной. Быть может, вам повезет, и невесомый призрак ВДНХ приведет вас в конец дальней аллеи, к двум вылитым из бронзы фигурам, и вы надолго останетесь здесь, забыв о развлечениях и отложив на время все другие дела.

Фуна: гора-дракон (крымская легенда)

*Драконы летят, драконы,
Сквозь страны и терриконы,
Летят они над землею,
Над ненавистью и молвою.*

(Слова из старой песни)

Вы видели, как летят в небе драконы? Как сшибаются они в безжалостной схватке, как падают вниз, поверженные более мощным противником? Вы видели утренние бои драконов, видели полдневные и вечерние? Не видели? – тогда вы вообще не видели ничего, и вам надо послушать историю о забытом и канувшем в Лету царстве драконов, и о тех битвах, которые разыгрывались в небе на заре нашего мира. Тогда, когда все еще было свежо и юно, когда страсти, кипевшие в груди бесстрашных бойцов, были подлинными страстями, когда не забылись еще многие события, позже стершиеся из памяти немощного человека, и когда сам немощный человек был еще так юн и слаб, что мог только лишь наблюдать за ходом страшных вещей, не имея возможности на них повлиять. Итак, слушайте, слушайте, слушайте!

На заре нашего мира, в невообразимо седой древности, на земле, кроме человека, существовало множество сказочных существ, в подлинность которых мало кто теперь верит. В небе тогда господствовало племя гордых драконов, повелителей всего, что существовало тогда во вселенной, накопивших огромные сокровища и богатства, и постоянно сражающихся из-за них в юном и бесконечно голубом от своей юности и свежести небе. С ужасом наблюдали обитатели болотистых и травянистых равнин за безумными схватками страшных драконов, прятались они в своих норах и тех убогих жилищах, которые смогли соорудить себе на земле, и дрожали, видя, как сшибаются на лету огромные, покрытые блестящими чешуйками полуптицы-полузмеи, борясь за владычество над своим племенем, и над теми богатствами, которые успели они накопить. Во время одной из таких вечерних схваток (а вечерние схватки были самыми безжалостными и кровавыми) один из драконов, тяжело раненый и истекающий кровью, кружил над землей в поисках убежища, держа в когтистых лапах огромный сундук с сокровищами, которые удалось отстоять ему в яростной схватке. Не имея сил лететь дальше, он опустился недалеко от моря в цветущей алуштинской долине, крепко прижимая к себе окованный тяжелыми железными полосами сундук, и принял вид красивой рогатой горы (драконы в те времена умели принимать вид любых как живых, так и неживых предметов). Не было сил у него лететь дальше, не было охоты подвергать риску те сокровища, которые отстоял он в яростной схватке, и решил он навсегда остаться в алуштинской долине, охраняя под видом рогатой горы свои богатства.

Шли годы, века, пробегали тысячелетия. Поселились в алуштинской долине люди, которые называли рогатую гору то Фуной, то есть дымящейся, курящейся из-за вечных облаков и туманов, клубящихся над ее вершиной, то Демерджи, то есть гора-кузнец, то даже Катюшей, в честь посетившей некогда Крым императрицы Екатерины. Местные жители хорошо знали коварный и изменчивый нрав Фуны (а название это, безусловно, самое правильное из всех, что давали этой горе), подозревая, что внутри нее скрыты некие страшные и разрушительные силы, по сравнению с которыми обычный нормальный человек кажется ничтожной мышкой, или песчинкой. Дракон, принявший вид рогатой горы, время от времени извергал из себя клубы огня и дыма, принимаемые людьми за клубящиеся тучи и хлопья тумана, и от этих струй огня и дыма погода в алуштинской долине постоянно менялась. Здесь все зависело (и зависит

сейчас) от настроения раненого дракона, который все никак не может залечить полученные в жестокой схватке раны, и все никак не может взлететь, и поэтому вымещает свой гнев и свою ярость на жителях алуштинской долины. И поэтому нет никакого постоянства, никакой системы в алуштинской погоде, здесь все зависит от самочувствия раненого дракона, здесь в атмосфере бушуют постоянные злые вихри, повергая в изумление ученых синоптиков, и здесь все подчинено одному-единственному: воле раненого зверя, хранителя несметных богатств, скрытых в его каменных недрах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.